

В. П. КАЗАРИН, Е. Г. КРИШТОФ

О.Э.МАНДЕЛЬШТАМ И ЕГО СТИХОТВОРЕНИЕ О КРЫМЕ

В 1917 году в Алуште О.Э.Мандельштам написал стихотворение, текст которого мы позволим себе напомнить читателю:

*Золотистого меда струя из бутылки стекла
Так тягуче и долго, что молвить хозяйка успела:
– Здесь, в печальной Тавриде, куда нас судьба занесла,
Мы совсем не скучаем, – и через плечо поглядела.
Всюду Бахуса службы, как будто на свете одни
Сторожа и собаки, – идешь, никого не заметишь.
Как тяжелые бочки, спокойные катятся дни.
Далеко в шалаше голоса – не поймешь, не ответишь.*

*После чаю мы вышли в огромный коричневый сад,
Как ресницы, на окнах опущены темные шторы.
Мимо белых колонн мы пошли посмотреть виноград,
Где воздушным стеклом обливаются сонные горы.*

*Я сказал: виноград, как старинная битва, живет,
Где курчавые всадники бьются в кудрявом порядке;
В каменистой Тавриде наука Эллады – и вот
Золотых десятин благородные, ржавые грядки.*

*Ну, а в комнате белой, как прялка, стоит тишина,
Пахнет уксусом, краской и свежим вином из подвала.
Помнишь, в греческом доме: любимая всеми жена, –
Не Елена – другая, – как долго она вышивала?*

*Золотое руно, где же ты, золотое руно?
Всю дорогу шумели морские тяжелые волны,
И, покинув корабль, натрудивший в морях полотно,
Одиссей возвратился, пространством и временем полный.*

В окончательном варианте стихотворение не имеет названия, но дважды (в 1918 и в 1922 годах) оно публиковалось под заглавием "Виноград" [1, с. 478].

И это неслучайно, потому что культурой винограда и вина пронизана вся образная структура стихотворения. С этой культурой связана загадка, заключенная в первых же строчках произведения.

I. *Золотистого меда струя из бутылки стекла
Так тягуче и долго ...*

Здравый, житейский смысл возражает против того, что написано в первых строках приведенного стихотворения: мед не хранят в бутылках, потому что он быстро засахаривается и его трудно будет из этой бутылки извлечь. Кто-то возразит, что это

трудно, но возможно (можно растопить мед, погрузив бутылку в горячую воду). Другие упрекнули нас в буквализме и скажут, что эти строки – просто поэтическая вольность. И те и другие будут не правы. Написанное в первых строчках имеет очень простое объяснение, опирающееся на специфические крымские реалии той далекой поры.

О. Э. Мандельштам и его гостеприимные хозяева [4, с. 39], будучи приезжими людьми в ориентальном Крыму, приняли за мед бекмес – сгущенный виноградный сок, который действительно хранили в бутылках, потому что он не засахаривается. Чтобы получить бекмес, виноградный сок уваривали на медленном огне до четверти его первоначального объема. В результате получался густой, тягучий сироп “золотистого”, медового цвета, который можно было долго хранить в стеклянной посуде без дополнительной стерилизации. Иногда бекмес варили из груш. Из арбузного сока изготавливали другой тип сиропа – *нардек*. Бекмес и нардек являлись также основой для последующего изготовления спирта [3, с. 20].

Эта традиция сироповарения характерна в той или иной мере для всех стран средиземноморско-черноморского региона, перед которыми всегда стояла проблема сохранения и переработки обильных урожаев садов и виноградников. Разлитые в бутылки бекмес и нардек читатель и сегодня может купить, например, в магазинах Стамбула.

Бекмес заменял обитателям Крыма в XIX-м и в первой половине XX века сахар, и его, разливая в розетки, подавали к столу. Именно этот момент запечатлел в своем стихотворении О. Э. Мандельштам.

II. ... *молвить хозяйка успела:*

*–Здесь, в печальной Тавриде, куда нас судьба занесла,
Мы совсем не скучаем, – и через плечо поглядела.*

О. Э. Мандельштам стал свидетелем этого эпизода на даче В. А. и С. Ю. Судейкиных, которым и посвящено стихотворение. Это зафиксировано в автографе стихотворения, который вложен в “Альбом” Веры Судейкиной [4, с. 51]. Автограф, с которого, несомненно, была осуществлена публикация стихотворения в Тифлисе в 1919 году [1, с. 478], содержит посвящение “Вере Артуровне и Сергею Юрьевичу С.” и датировку “11 августа 1917. Алушта”. Кстати, издатель “Альбома” Джон Боулт ошибается, предлагая читать правильное “Артуровна” в посвящении как “Августовна” и выстраивая на этом основании целую концепцию [4, с. 39].

В августе 1917 года О. Э. Мандельштам гостил в Алуште в Профессорском уголке на даче у родственников А.А.Смирнова, там же снимали дачи С.К.Маковский, С.Н.Андроникова (снимала дом у Л.П.Магденко, здание сохранилось) и др. [1, с. 478].

В.А. и С.Ю. Судейкиных “судьба занесла” в “печальную Тавриду” в мае-июне 1917 года. Они прожили в разных городах Крыма (в том числе в Алуште) до апреля 1919 года, потом морем отправились на Кавказ, откуда в мае 1920-го уехали из Батума во Францию [4, с. XI].

Атрибутировать дом, в котором жили в Алуште Судейкины, до сих пор не удается, как и место жительства О.Э. Мандельштама. Наиболее вероятным является предположение алуштинского краеведа Л.Н. Поповой, что Судейкины снимали дом А. В. Давыдовой под горой Кастель. Дом был разрушен во время землетрясения 1927 года. Фотография разрушенной дачи А.В. Давыдовой приводится в альманахе “Крымский альбом – 2002” [6, с. 105].

Видимо, с той поры сохранилась булыжная мостовая, которая вела к дому. Она проходит между двух белых колонн. Неподалеку сохранился винный подвал. Но судя по стихам, в разрушенном доме был собственный подвал. Все это позволяет признать версию Л.Н.Поповой достаточно обоснованной.

III. *Всюду Бахуса службы, как будто на свете одни*

Сторожа и собаки, – идешь, никого не заметишь.

Как тяжелые бочки, спокойные катятся дни.

Далеко в шалаше голоса – не поймешь, не ответишь.

В период уборки винограда южнобережные города пустели, так как многие были заняты сезонной работой – “службой Бахуса” (уборка, транспортировка винограда, его обработка). Потребность в рабочей силе в летний период была так велика, что работников нанимали даже в нечерноземных губерниях России. Поэтому герою видны на улицах города только “сторожа и собаки”. Охрана виноградников традиционно набиралась из крымских татар. Этой реалией рождена последняя строка строфы (“Далеко в шалаше...”). “Голоса”, которые слышит герой из далекого шалаша, – это крики крымских татар, которые, вероятно, предлагают ему купить у них виноград или молодое вино, но незнание языка не позволяет ему ни понять их, ни ответить им.

IV. ... мы вышли в огромный коричневый сад ...

См. комментарий VI.

V. Мимо белых колонн мы пошли ...

См. комментарий II.

VI. ... Золотых десятин благородные, ржавые грядки.

С одной стороны, поэт точно зафиксировал “ржавый” цвет почв Южного берега Крыма, образованных из уплотненных глин и мелкозернистых песчаников (сланцевые песчаники, шиферные почвы). Иначе их еще в геологии называют “коричневые почвы южнобережья”.

С другой стороны, перед нами еще один пример поэтической вольности в описании восточной реалии. Как человек средневропейской культуры О.Э. Мандельштам называет “грядками” регулярно высаженные длинные ряды (рядки, шпалеры) виноградных лоз.

Существует и другое толкование этой строки. Крымские краеведы (Л.Н. Попова, Р.Г. Неведрова и др.) связывают этот поэтический образ с особенностью традиционного для окрестностей горы Кагель винограда Мускат белый приобретать благородный коричневый цвет, “загорать” или “ржаветь” под солнцем. Сравнительно невысокие кусты виноградной лозы (в аграрной традиции XIX – первой половины XX веков), вытянутые в шеренги, могли спровоцировать, по их мнению, появление образа “ржавых грядок”.

Однако такой трактовке противоречит строка, приведенная в комментарии IV, в которой сад назван “коричневым”. Ни цветом плодов (будь то даже груши, которые в августе еще безусловно зеленые, а не коричневые), ни цветом листвы это определение не оправдывает. Остается опять же обработанная, взрыхленная почва состоявшегося только наполовину вулкана Кагель, которая своим “ржавым”, коричневым цветом полностью подпадает под определение поэта.

VII. Ну, а в комнате белой, как прялка, стоит тишина,

Пахнет укусом, краской и свежим вином из подвала.

См. комментарий II.

VIII. Помнишь, в греческом доме: любимая всеми жена, –

Не Елена – другая, – как долго она вышивала?

“Ошибка” поэта, о природе которой так много спорили комментаторы (Пенелопа не вышивала, а ткала), основана на реалии быта дома Судейкиных: хозяйка дома, по ее свидетельству, именно в это время занималась вышивкой на полотне сюжета о Коломбине и Пьеро [4, с. 39].

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Мандельштам О. Э. Сочинения. В 2 т. Т. 1. / Сост., подгот. текста и коммент. П. М. Нерлера. Вступ. ст. С. С. Аверинцева. М.: Худож. лит., 1990. 638 с.
2. Аверинцев С. С. Судьба и весть Осипа Мандельштама // Мандельштам О. Э. Сочинения. В 2 т. Т. 1. М.: Худож. лит., 1990. С. 5–64.
3. Ваше здоровье!: Энциклопедия напитков. Киев: Орион, 1994. 364 с.
4. The salon album of Vera Sudeikin-Stravinsky / Edited and translated by John E. Bowlt. Princeton university Press, Princeton, New Jersey, 1995.
5. Капитоненко А. Сергей Судейкин: из Крыма в эмиграцию // Литературный Крым. 2002. Май. № 17–18. С. 11.
6. Крымский альбом – 2002. Феодосия; М.: Изд. дом “Коктебель”, 2003.